

ПУТЕВОЙ ЖУРНАЛЪ

священника — миссіонера Михаила Сулова при поѣздкѣ къ озеру Ессей.

Сообщивъ въ № 7 Енисейскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей нѣкоторыя свѣдѣнія объ озерѣ Ессей, на основаніи записки о. миссіонера Сулова, мы находимъ далеко не безъинтереснымъ прослѣдить шагъ за шагомъ по путевому журналу о. Сулова путешествіе его къ озеру изъ г. Туруханска.

Какъ уже извѣстно изъ нашей статьи, о. Суловъ отправился въ далекое и опасное путешествіе вечеромъ 6 сентября 1883 года., 7 сентября утромъ“, пишетъ о. Суловъ, «мы причадили къ зимовью. Жители этого станка, природные якуты, послѣ покоренія дикихъ народовъ съвера Сибири, желая избавиться отъ притѣсненій казаковъ, поселившихся между ними, удалились въ эту мѣстность около 1700 г. и черезъ пятьдесятъ лѣтъ (около 1754 г.) приняли св. крещеніе отъ Тазовскаго священника Никифорова. Въ настоящее время они настолько обрусѣли, что не имѣютъ и понятія о своей родной якутской рѣчи; живутъ осѣдло и занимаются хозяйствомъ, какъ и русскіе крестьяне. Въ христіанской религіи они значительно окрѣпли, таинство покаянія и св. причащенія исполняютъ почти ежегодно. Первоначальныя молитвы знаютъ; но такъ

какъ усвоили ихъ со словъ своихъ родителей, то нѣкоторыя слова молитвъ произносятъ неправильно, такъ: въ молитвѣ Господней, вмѣсто слова „и остави“ нѣкоторые читаютъ „не остави“, въ молитвѣ Пресвятой Богородицы вмѣсто „благословенъ плодъ“ читаютъ „благословенъ плоть“; символа вѣры и заповѣдей не знаютъ. Но вообще они довольно набожны и добронравны. Напротивъ, тѣ же якуты, проживающіе въ селеніи Монастырскомъ и при томъ среди русскихъ, едва знаютъ Іисусову молитву и Отче нашъ, да и то неправильно.

8 сентября. На станкѣ Горошинскомъ проживаютъ туруханскіе мѣщане, у которыхъ я и остановился; отправилъ праздничное богослуженіе въ присутствіи десяти лицъ и окрестилъ младенца. По причинѣ сильной бури, я не могъ плыть дальше и воспользовался свободнымъ временемъ, чтобы предложить жителямъ чтеніе изъ житій святыхъ; занялся также съ дѣтьми и объяснилъ имъ Іисусову молитву и пѣснь „Святой Боже“. Между слушателями были два остяка. Они хотя и молятся, но изображаютъ крестъ неправильно; въ молитвѣ обращаются къ Богу преимущественно съ просьбой о дарованіи житейскихъ благъ и тѣлеснаго здоровья. — Къ вечеру вѣтеръ нѣсколько стихъ; но когда я съ двумя остяками отчалилъ отъ берега, то опять поднялась такая буря и стужа, что мы едва могли проплыть около 5 верстъ. Темнота не позволяла намъ пристать къ берегу и мы простояли на якорѣ до разсвѣта.

9 сентября приплыли къ станку Курейскому, вторій состоитъ только изъ 7 домовъ. Отслуживъ молебенъ, отправился дальше. Верстъ 60 проплыли благополучно; но такъ какъ поднялся сильный встрѣчный вѣтеръ, то мы не могли плыть дальше и остановились для ночлега въ пустомъ мѣстѣ, совершенно измученные; изъ за вѣтра не могли плыть дальше и на слѣдующій день. Ночевали на пескѣ; становилось очень холодно; Енисей около береговъ покрылся льдомъ. 11 сентября прибыли къ станку Карасинскому, вблизи котораго каждое лѣто кочуетъ нѣсколько остятскихъ семействъ. Я зналъ ихъ раньше, такъ какъ неоднократно молился съ ними и ис-

полнялъ требы. Въ благодарность за мои труды остяки вы-
звались быть моими проводниками безъ всякаго вознагражденія.
Вечеромъ прибыли въ зимовье Сушково, гдѣ я окрестилъ мла-
денца.

12 сентября въ зимовьѣ Шадринскомъ (Горѣлое и Поло-
винка тожъ) пѣлъ утреннюю службу Воскресенію Христову.
На службѣ присутствовали всѣ обитатели зимовья въ числѣ
6 человекъ. Черезъ 20 верстъ, на станкѣ Игарскомъ слу-
жилъ молебенъ Святителю Николаю Чудотворцу и панихиду
по усопшему. Отправившись отсюда на парусахъ съ попутнымъ
вѣтромъ, но плохими проводниками, ночью мы два раза на-
бѣгали на мель и едва спаслись отъ потопленія. Въ первый
разъ съ большими усиліями мы снялись съ мели, но когда
лодка опять сѣла на мель, то мы около трехъ часовъ стара-
лись столкнуть ее, работая въ холодной осенней водѣ. Исто-
щивъ всѣ усилія и окоченѣвъ отъ холода, мы принуждены
были оставить лодку на якорѣ среди мелей и при сильномъ
напорѣ волнъ отправились въ челнокъ къ станку.

13, 14 и 15 сентября оставался въ Носовскомъ зимовьѣ.
При помощи жителей станка я едва могъ выручить брошен-
ную на якорѣ лодку и, работая постоянно въ холодной водѣ,
сильно простудилъ ноги. Въ день Воздвиженія Честнаго Кре-
ста Господня совершилъ службу съ поклоненіемъ Честному
Кресту. Между молящимися были два инородца: остякъ и тун-
гузь, уже прежде окрещенный мною. Въ свободное отъ ра-
ботъ время онъ приходилъ ко мнѣ учиться молитвамъ. Нуж-
но сказать, что тунгузы встрѣчаются на Енисеѣ очень рѣдко
и только въ зимнее время, лѣтомъ же не бываетъ ихъ здѣсь
почти совсѣмъ, за исключеніемъ двухъ—трехъ семействъ,
остающихся иногда у русскихъ пасти оленей. Тунгузы Туру-
ханскаго края кочуютъ исключительно въ лѣсахъ и при озе-
рахъ, передвигаясь по временамъ на вьючныхъ оленяхъ въ
тѣ мѣстности, куда не проникала еще нога ни одного русска-
го. 16 сентября я совершилъ совмѣстно съ жителями утрен-
нюю молитву и отчалилъ отъ Носовскаго станка. Подулъ та-

кой холодный сѣверный вѣтеръ, что мы за весь день не могли пройти станка въ 40 верстъ и, разложивъ на берегу огонь, расположились для ночлега.

17 сентября на станкѣ Плахинскомъ я пѣлъ общественный молебенъ и бесѣдовалъ съ встрѣченнымъ здѣсь тунгузомъ о будущей блаженной жизни въ царствіи Божіемъ тѣхъ, которые увѣруютъ во Христа и очистятся отъ грѣховъ чрезъ св. крещеніе. Тунгузъ долго колебался, но потомъ выразилъ желаніе принять крещеніе, когда я поѣду обратно — «Тебя ждать буду», говорилъ тунгузъ, — «я у другаго попа не стану креститься; отъ тебя я слышалъ про Бога, ты и окрестишь меня». Поручивъ одному жителю обучать тунгуза молитвамъ, я отложилъ крещеніе его до обратнаго пути, если Богу будетъ угодно.

18 сентября миновали станки Половинку и Хантайку; у Протокинскаго станка сильный вѣтеръ опять задержалъ насъ. Здѣсь 19 сентября, въ единственной избушкѣ, я отслужилъ молебенъ Воскресенію Христову и оставался на цѣлый день въ ожиданіи, пока стихнетъ буря. Енисей сталъ покрываться льдомъ.

20 сентября днемъ доѣхалъ до Потаповскаго станка и въ ночь до Лузина. Отслуживъ молебенъ съ водосвященіемъ и пройдя еще 18 верстъ, я совершилъ молебны въ домъ казака Ивана Даурскаго и въ квартирѣ его довѣреннаго Черняка.

Въ ночь на 22 сентября достигъ села Дудинскаго. Прошло не болѣе часа послѣ моей остановки у заледенѣвшаго берега Дудинки, какъ лодка моя кругомъ оковалась льдомъ. Но благодареніе Богу! самый трудный водный путь оконченъ, а теперь, если Богу угодно будетъ, поѣду дальше на саняхъ, каковой путь менѣе представляетъ опасностей.

(Продолженіе будетъ).

ПУТЕВОЙ ЖУРНАЛЪ

священника — миссіонера Михаила Сулова, при поѣздѣ
къ озеру Ессей.

Съ 23 сентября по 10 октября о. Суловъ пробылъ въ с. Дудинскомъ. По должности благочиннаго онъ осматривалъ церкви,

свидѣтельствовавъ документы и церковное имущество, приводилъ въ порядокъ дѣла, нѣсколько разъ служилъ литургію. Главная же причина его продолжительной остановки была та, что нанятый имъ проводникъ - тунгузъ отказался вести его по недостатку оленей. Въ продолженіи трехъ дней о. Сусловъ устраивалъ возокъ и нарту и наконецъ нашелъ извозчика, который взялся отвезти его до Авама за 30 р. «11 октября съ ранняго утра», — пишетъ о. Сусловъ, — «я отправился въ путь съ двумя жожаками. Версть 5 ѣхали рѣкой Дудинкой, а затѣмъ тундрою. Проѣхали 60 версть и остановились ночевать среди тундры. 12 октября проводники оставили меня одного среди тундры и ровно 6 часовъ отыскивали чумы инородцевъ. Я терялся въ догадкахъ и приходилъ уже къ мысли, что меня совсѣмъ хотятъ оставить въ безпредѣльной тундрѣ, можетъ быть, потому, что олени устали и не могутъ везти дальше. Къ счастью, опасенія мои оказались напрасными: проводники возвратились и объявили, что они отыскали чумъ. Мы прибыли въ него вечеромъ и были встрѣчены двумя инородцами долганями (смѣсь якутско-тунгузскаго рода), ожидавшими насъ. Долганы народъ не глупый, тихій, покорный. Южнѣе нашей дороги версть на 50, у Нарильскихъ озеръ, долганы кочуютъ въ числѣ 300 душъ, изъ коихъ еще ранѣе мнѣ помогъ Господь просвѣтити стятымъ крещеніемъ болѣе 50 душъ. Въ настоящее время они всѣ христіане, принадлежатъ къ Дудинскому приходу и въ религіозномъ отношеніи считаются лучшими прихожанами изъ инородцевъ. Желая убѣдиться, на сколько привилась къ нимъ христіанская вѣра, я предложилъ одному изъ встрѣтившихъ насъ долганъ нѣсколько вопросовъ, на которые онъ отвѣтилъ мнѣ правильно, правильно перекрестился, прочиталъ Іисусову молитву и объяснилъ по своей «пасхалии», когда празднуется день Михаила Архангела, ап. Филиппа, Николая Чудотворца и когда бываютъ великіе праздники. На другой день, 13 октября, перебѣжавъ версть 25 на свѣжихъ оленяхъ, мы напали на станъ транспорта съ товаромъ казака Даурскаго, въ которомъ простояли и 14 октяб-

ря по случаю сильной пурги. 15 октября двинулся нѣсколь-
по впередъ вмѣстѣ съ транспортомъ Даурскаго. Сегодня про-
водникъ мой Ярецкій отказался везти меня дальше за уста-
лостію оленей и просилъ довѣреннаго Даурскаго доставить ме-
ня до зимовья Заостровки. Продолжалъ путь 16 и 17 ок-
тября съ обозомъ Даурскаго, и 17 числа, вечеромъ, прибылъ
благополучно на Пясину къ зимовью Заостровки. На протя-
женіи рѣки Пясиной раскинуто нѣсколько крестьянскихъ избъ,
которыя носятъ разныя названія. Первое зимовье, на расто-
яніи 200 верстъ отъ Дудинскаго, называется Введенскимъ (1
изба), верстъ черезъ 25 слѣдуетъ Половинка, (1 изба), за
тѣмъ Заостровка съ 3 дворами, далѣе опять 2 избы и на-
конецъ 1 изба. Избы маленькія, черныя, обитатели ихъ крестъ-
яне, смѣшавшіеся съ инородцами чрезъ супружества; всѣ они
принадлежатъ къ Дудинскому приходу. На Заостровкѣ имѣет-
ся до 5 мальчиковъ и родители не прочь были бы обучать
ихъ, если бы была къ этому какая либо возможность. Отцы
и дѣти говорятъ здѣсь больше якутски, чѣмъ порусски;
вообще здѣсь господствуетъ якутскій языкъ не только между
инородцами, но и русскими, начиная отъ Нарильскихъ озеръ
по рѣкѣ Пясиной, Аваму и другимъ до Якутской области.

18 октября. Послѣ утренней молитвы, совмѣстно съ хозя-
евами зимовья, въ которомъ я ночевалъ, пѣлъ молебны: Спа-
сителю, Божіей Матери и Николаю Чудотворцу, по просьбѣ
жителя Половинскаго зимовья, нарочно пріѣхавшаго сюда для
исполненія своего обѣта. На молебнѣ прихожанинъ — проситель
самъ читалъ трисвятое внятно и благоговѣнно, а припѣвы кано-
новъ повторяли за мною всѣ мужчины. Послѣ молебновъ, пѣлъ
чинъ погребенія по двумъ умершимъ еще лѣтомъ, при чемъ
также половинскій крестьянинъ подпѣвалъ за мною ирмосы по-
ложительно правильно. Не очень давно, извѣстные здѣсь
крестьяне, по прозванью Лапуковы, были люди грамотные
и вмѣстѣ религіозные; они имѣли необходимыя церковныя кни-
ги и по нимъ часто правили службы. Года три назадъ миѣ
же пришлось погребать послѣдняго грамотнаго жителя Пяси-

ной. Прихожанинъ, исполнявшій нынѣ молебны, знаетъ молитвы, ирмосы и другія церковныя пѣсни по наслышкѣ отъ родителя.

19 октября въ двухъ избахъ исполнилъ молебны съ водосвященіемъ Спасителю, Божіей Матери и Св. Николаю Чудотворцу, при участіи всѣхъ домохозяевъ. Отрадно было видѣть, съ какимъ благоговѣніемъ и смиреніемъ хозяева присутствовали при Богослуженіи. И въ самомъ дѣлѣ, какой отрадный и торжественный бываетъ для нихъ день, въ который священникъ отслужить въ ихъ домѣ молебенъ. Сегодня они молились всѣ вмѣстѣ и такъ усердно, какъ не молились, можетъ быть, цѣлый годъ; сегодня они исполнили давній свой обѣтъ передъ Богомъ и, слушая Богослуженіе и слово Евангелія, побесѣдовали съ Богомъ. Теплая молитва наполнила ихъ сердца тихою радостію.

Сегодня приходилъ ко мнѣ инородецъ, который долженъ былъ проводить меня чрезъ большую тундру. Выпросилъ на одежду 3 руб. и обѣщаль пріѣхать съ оленями чрезъ день. Сегодня, 20 октября, тунгузка хатангскаго прихода, христіанка, нарочно пріѣзжала сюда изъ своего чума съ жалобою на сына, который не соглашался ѣхать съ нею въ село Дудинское. Инородка почтенныхъ лѣтъ дала обѣтъ поститься въ дудинской церкви и чрезвычайно опечалѣна была препятствіемъ въ исполненіи своего обѣта. Между тѣмъ, сынъ ея, проѣхавъ половину дороги до Дудинки (версть 310), не захотѣлъ продолжать дальнѣйшій путь. Отговаривали ѣхать дальше и знакомые, такъ какъ олени измучатся въ продолжительной дорогѣ, и старухѣ съ сыномъ трудно будетъ возвратиться домой во время. Вѣрующая инородка повторяла только одно: «Неужели Богъ сдѣлаетъ ей худое?» и настаивала ѣхать въ Дудинское. Въ вечеру этого же дня мы, проѣхавъ версть 35 по тундрѣ и лѣсомъ, остановились въ чумѣ моего проводника. На мѣстѣ кочевья стояли только два чума, — одинъ моего ямщика, а другой — его товарища долгана — тунгуза. При входѣ въ чумъ я увидѣлъ св. иконы, долганы приняли отъ меня благословеніе и

когда я вставалъ для благодаренія Господа, напр. послѣ чаю, всѣ инородцы тотчасъ же присоединялись къ молитвѣ.

На другої день мой ямщикъ спѣшилъ догнать оргишъ Дзурскаго, чтобы вмѣстѣ съ нимъ пуститься чрезъ опасную тундру. Весь день ѣхали по слѣдамъ оргиша, но догнать его не могли; застигла ночь, ямщикъ сталъ часто терять слѣдъ, едва замѣтный на снѣгу. Выѣхавъ въ самую тундру, мы стали опасаться внезапной бури; олени падали отъ усталости, а покормить ихъ было нечѣмъ, не было ни одного и гнилаго деревца, чтобы развести огонь и обогрѣться. Чтобы облегчить тяжесть возка, пришлось выдти изъ него и долго бѣжать за оленями. Наконецъ отъ изнеможенія я свалился въ возокъ. Вдругъ проводникъ мой закричалъ: «Батюшка! я нашелъ оргишъ!» Дѣйствительно, передъ нами стоялъ чумъ и отпряженные олени «копытили» голую тундру, ища себѣ пищи. Очень я обрадовался и горячо возблагодарилъ Господа за наше благополучное прибытіе. Я менѣе опасался бы, если бы не зналъ, какая можетъ встрѣтиться непредвидѣнная опасность на этомъ пути. Если въ этой мѣстности, называемой большой чистой тундрой, застигнетъ путешественника пурга, то онъ не только можетъ потерять всѣхъ оленей, хотя бы ихъ была тысяча головъ, но и самъ погибнуть отъ холода, такъ какъ здѣсь нельзя найти никакого топлива, если оно не было взято съ собою. Сегодня мы проѣхали не менѣе 70 верстъ.

Весь слѣдующій день (22 октября) мы ѣхали чрезъ тундру и на протяженіи 60 верстъ не встрѣтили ни одного деревца. Олени устали настолько, что мы, не дойдя до лѣса, остановились на восточномъ краю чистой тундры. Здѣсь неожиданно встрѣтился съ нами тунгузъ, охотившійся по тундрѣ на волковъ, и объявилъ, что невдалекѣ кочуютъ долганы — тунгузы съ своимъ старшиною. Проводникъ мой, желая сдать меня поскорѣе съ рукъ, сейчасъ же уѣхалъ отыскивать людей, которые бы взяли отвезти меня дальше.

(Продолженіе будетъ).

ПУТЕВОЙ ЖУРНАЛЪ

священника — миссіонера Михаила Сулова при поѣздкѣ къ озеру Ессей.

(Продолженіе.)

23 октября, въ полночь, подулъ южный вѣтеръ и къ полудню значительно усилился. Инородцы, подбирая збрую и дорожные принадлежности на санки, то и дѣло протяжно выкрикивали «Эй, пурга! Батюшка, дровъ возьми много...пурга!» Предупреждалъ меня и вожакъ оргиша взять съ собою дровъ, которыми и подѣлился со мной.

Скоро всѣ скрылись, не стало слышно человѣческаго голоса и только грозный шумъ пурги нарушалъ безмолвіе тундры. Сидѣть одному въ болкѣ мнѣ стало какъ — то жутко и тоскливо; я началъ уже беспокоиться, но Богъ неожиданно послалъ мнѣ собесѣдника.

— Здорово, батюшка! сказалъ подошедшій къ возку долганъ, встрѣченный вчера.

— Здравствуй, другъ! Все — ли ладно у васъ въ чумѣ? спросилъ я долгана.

— Все ладно, батюшка. Вотъ пурга, густой.... бѣда! Я пришелъ навѣстить тебя, не надо ль чего?

— Спасибо, другъ! Залѣзай ко мнѣ въ болкѣ, гость будешь. Предложивъ незнакомцу чай, я повелъ съ нимъ рѣчь.

*) Чинъ погр. свѣщ. молитв. послѣ 2-го евангелія.

— Какъ тебя зовутъ?

— Аѳанасій, — отвѣчалъ онъ.

— Родные у тебя есть?

— Есть много, но родныхъ братьевъ только два.

— Знаешь ли ты, когда бываютъ праздники?

— Знаю. Отсюда (отъ этого дня) третій день будетъ Митревъ день. Мы рѣжемъ палочку и (по ней) считаемъ дни. У старшаго брата есть «пасхаль» и мы знаемъ каждый праздникъ.

— А молитвы знаешь ли?

— Какъ же, Бога молимъ каждый день.

— Расскажи же мнѣ, какъ вы молитесь: всѣ — ли вмѣстѣ, или каждый отдѣльно?

— Всѣ въ одинъ разъ молимся. Одинъ-то человекъ не молится.

— Хорошо, другъ, что вы молитесь всѣ вмѣстѣ. Такъ хочетъ Богъ. Онъ и Самъ говоритъ, что гдѣ молятся двое или трое, то и Онъ находится между ними; значить, если вы молитесь вмѣстѣ, то и Богъ находится съ вами.

— А знаешь ли ты Бога? спросилъ я.

Такъ какъ инородецъ не отвѣчалъ на мой вопросъ, то я въ самыхъ простыхъ словахъ преподалъ ученіе о Единомъ Богѣ, Троичномъ въ Лицахъ, о твореніи міра и человека и Божіемъ о нихъ промышленіи.

— А знаешь ли ты молитвы? спросилъ я.

— Знаю. «Во имя Отца», и «Святый Боже». Долганъ прочиталъ обѣ молитвы, хотя и съ нѣкоторыми ошибками.

Къ сожалѣнію, разговоръ нашъ продолжался не долго. Во время бесѣды завывалъ такой страшный вѣтеръ, что инородцы должны были принять мѣры, чтобы не сбросило чумъ, на помощь имъ отправился и мой собесѣдникъ. Опять оставшись въ болкѣ одинъ, я всю ночь не могъ закрыть глазъ отъ страха; всю ночь бушевалъ вѣтеръ и угрожалъ каждую минуту унести меня вмѣстѣ съ болкомъ. Но благодареніе Господу! Къ утру (24 октября) буря утихла; одни изъ моихъ слугъ принялись отгребать снѣгъ отъ болка, а другіе отправились

отыскивать оленей, разбѣжавшихся во время пурги, и только на другой день мы отправились къ слѣдующему ближайшему кочевью. Олени оказались очень плохими, такъ что мнѣ самому пришлось не только править ими, но и бѣжать за болкомъ нѣсколько верстъ. Усталъ до изнеможенія, чувствовалась сильная боль въ ногахъ. Вечеромъ достигли чума, проѣхавъ за день верстъ 40. Утромъ 26 октября, по просьбѣ долганъ, отслужилъ въ чумѣ молебенъ Спасителю и св. Дмитрію Солунскому. Оказалось, что хозяинъ чума — Дмитрій былъ сегодня именинникъ. Пользуясь такимъ случаемъ, я предложилъ слово о христіанскомъ препровожденіи праздниковъ и объ Ангелѣ хранителѣ. Сильный дымъ въ чумѣ заставилъ меня убраться въ болкъ, куда вскорѣ пришли и два брата долганы.

— Скучно тебѣ, сатюшка, — сказали они, — вотъ мы пришли погостить... Осматривая болкъ, они разсуждали между собой: будто церковь: тамъ образъ, и тутъ образъ, и здѣсь образъ. А тутъ какой? вслухъ спросилъ меня инородецъ, указывая на образъ, находившійся на двери болка.

— Это страшный судъ Божій. При этомъ я объяснилъ содержаніе картины. Инородцы долго разсуждали о слышанномъ на своемъ якутскомъ нарѣчій, указывая на изображеніе.

За день мы переѣхали верстъ до 60 и остановились въ юртѣ у рѣки Авама. Такъ какъ въ юртѣ меня уже ожидали, то я тотчасъ же отслужилъ въ ней молебенъ съ водоосвященіемъ при 15 молящихся и предложилъ слово о блаженствахъ, которое было выслушано съ полнымъ вниманіемъ. 27 октября крестилъ въ чумѣ двухъ дѣтей, затѣмъ отправился въ путь. Проѣхавъ верстъ 70, остановился у юрты долгана и отслужилъ молебенъ въ присутствіи 10 инородцевъ. Слѣдующій день занимался исправленіемъ разбившейся въ пути своей нарты и поджидалъ инородцевъ изъ другихъ кочевьевъ, которымъ дали знать о моемъ пріѣздѣ. Вечеромъ, когда я бесѣдовалъ съ хозяиномъ о второмъ пришествіи Господнемъ, пріѣхали и ожидаемые инородцы. Одинъ изъ нихъ заползъ ко мнѣ въ болкъ, помолился всѣмъ иконамъ и принялъ отъ меня благословеніе,

сдѣлавъ все это чинно, спокойно, какъ не дѣлаютъ иногда и наши крестьяне.

— Вотъ пришелъ твой зять, — сказалъ хозяинъ юрты, указывая на прѣхавшаго.

— Какой зять? съ изумленіемъ спросилъ я.

— Да какъ же, вѣдь онъ взялъ замужъ твою крестницу, стало быть и зять тебѣ.

Мы всѣ отправились къ юртѣ и лишь только я вошелъ въ нее, какъ двое молодыхъ тунгусовъ и старушка встрѣтили меня низкимъ поклономъ и попросили благословенія. Оказалось, что это были мои крестники, обращенные мною въ христіанство въ 1871 году. Съ того времени я не видалъ ихъ. Я поцѣловалъ своихъ духовныхъ дѣтей и такъ обрадовался встрѣчѣ, такъ доволенъ былъ ихъ сыновнимъ почтеніемъ ко мнѣ, что въ восторгѣ пропѣлъ при всѣхъ пѣснь «Тебе, Бога, хвалимъ». По окончаніи пѣсни, одинъ изъ инородцевъ съ низкимъ поклономъ просилъ меня быть крестнымъ отцемъ и его сына. Я согласился и инородецъ снова отдалъ мнѣ низкій поклонъ. Такъ скромны и почтительны всѣ здѣшніе инородцы! Вечеромъ мы долго просидѣли въ юртѣ, разсуждая то о вѣрѣ христіанской, то о разныхъ вопросахъ жизни. На другой день, 29 октября, я окрестилъ въ юртѣ дитя, благословилъ хозяевъ крестиками и священными картинами и отправился далѣе на зимовье Авамъ, гдѣ имѣется только три избы крестьянъ и казенный хлѣбный магазинъ. Отъ этой мѣстности считаютъ 500 верстъ до Дудинки и столько же до Хотанги. Въ субботу (30 октября) я отслужилъ здѣсь утреню, молебенъ въ одной избѣ и окрестилъ младенца. Въ воскресенье отправилъ «Послѣдованіе изобразительныхъ» и приобщилъ Св. Тайнъ 5 человекъ взрослыхъ и 4 подростковъ. Преподавъ наставленіе принявшимъ Св. Тайнство о постепенномъ исправленіи жизни, согласно съ закономъ Христовымъ, я оставилъ Авамъ.

1 ноября прибылъ на зимовье Лѣтовье, верстахъ въ 40 отъ Авама. Оленей здѣсь не оказалось по причинѣ пурги. Мѣсто пустынное, стоитъ единственная избушка, въ которой оба-

залось только три человека: старушка — хозяйка, и ее внук — мальчик 11 лет и девочка — гостя, 10 лет; все якуты. Один из сыновей этой старухи живет отдельно чумомъ, сторожа своих оленей, а другого сына начальство отправило ходоконъ за 1000 верстъ, до Туруханска. Началъ я обучать дѣтей молитвамъ и мальчикъ скоро усвоилъ двѣ изъ нихъ: «Во имя отца» и «Святый Боже», девочка же ничего не поняла, такъ какъ не умѣла говорить порусски. На другой день, по желанію старушки, я пропѣлъ молебенъ Спасителю и отправился дальше. Ѣхали благополучно. Въ зимовьѣ Бархатово отслужилъ молебенъ съ водосвященіемъ, заѣзжалъ по пути въ чумы тунгузовъ Боговидской управы. Принимали меня съ особенною радостію и радушіемъ. Благословилъ инородцевъ изображеніемъ св. великомученицы Екатерины и объяснилъ содержаніе его. Слушателей было 12 человекъ и жизнь великомученицы очень заинтересовала ихъ. Св. Екатерина была царская дочь, сначала язычница, какъ и они тунгузы. Св. Екатерина научилась вѣрѣ отъ священника, и инородцевъ учить тоже священникъ; великомученицу благословилъ иконою священникъ, и они получили священное изображеніе отъ священника же. Все событія до нѣкоторой степени сходны между собою. Окончивъ бесѣду я далъ инородцамъ гостинецъ, — одѣлилъ ихъ сухарями и простился.

3 Ноября служилъ въ избѣ старшины Боговидскихъ тунгузовъ, въ присутствіи 30 человекъ молящихся, молебенъ съ водосвященіемъ; за тѣмъ отслужилъ молебенъ, по просьбѣ тунгуза, въ благодарность за сохраненіе оленей отъ падежа и хищныхъ звѣрей, Святителю Николаю и Великомученику Георгію, отслужилъ и въ другой избѣ, также по просьбѣ тунгуза, для «освященія» ея и окрестилъ двухъ младенцевъ.

4 ноября на Пайтурмѣ отслужилъ два молебна въ присутствіи 10 молящихся. Сряду же послѣ молебновъ, подошелъ ко мнѣ съ низкимъ поклономъ одинъ якутъ и сказалъ: «Не пойдешь ли, батюшка, отслужить молебенъ въ моей избѣ? Однако, не пойдешь?!» Въ просьбѣ якута и тонѣ рѣчи замѣтна

была какая-то особенная приниженность, робость. «Хорошо, другъ, сейчасъ же приду», сказалъ я. Иностранецъ просіялъ и пустился бѣжать къ своей избѣ, чтобы предупредить домашнихъ. Тихое пѣніе и внятное чтеніе на молебнѣ особенно нравилось якутамъ и они наивно вслухъ хвалили меня. Должно быть, якутъ не рѣшался звать меня отслужить молебенъ изъ опасенія, что я потребую отъ него денегъ.

5 ноября пріѣхалъ на Боганиду и не застали здѣсь ни одного человѣка, всѣ были въ тундрѣ. Одинъ изъ моихъ ямщиковъ отправился искать людей, а другой погналъ оленей въ тундру, на пастбище, и я остался совершенно одинъ. Между тѣмъ, поднималась пурга и съ каждымъ часомъ все усиливалась. Прикрѣпивъ свой болкъ къ углу амбара, чтобы не унесло вѣтромъ, я зашелъ въ пустую холодную избу и прождалъ въ ней ямщиковъ почти цѣлые сутки. Всю ночь завывалъ страшный вѣтеръ, небо озарилось багровымъ свѣтомъ, вследствие чего снѣжная пустыня на необъятное пространство была облита точно кровью. Непривычное явленіе наводило на меня ужасъ, который еще болѣе увеличивался при мысли быть растерзаннымъ волками, какъ это бываетъ здѣсь. Ночь показалась мнѣ нескончаемою, да и правда, она продолжалась ровно 20 часовъ, такъ какъ здѣсь показывается заря только на 4 часа въ сутки, а солнышко ссвѣтъ не выходитъ изъ — за горизонта почти съ начала октября и до первыхъ чиселъ января.

Зимовье Боганиду составляютъ три черныхъ избы, обитатели которыхъ крестьяне; но всѣ они живутъ по инородчески и, согласно съ климатическими условіями, занимаются звѣроловствомъ и питаются исключительно животною пищею.

6 ноября я пріѣхалъ на слѣдующее зимовье, на которомъ долженъ былъ ожидать ессейскихъ инородцевъ. Здѣсь я встрѣтилъ только одного старичка, съ которымъ мы и начали хозяйничать въ избѣ. На другой день въ воскресенье, къ намъ подѣхали три якута, съ которыми я побесѣдовалъ о христіанскомъ препровожденіи праздниковъ, а вечеромъ читалъ житія русскихъ святыхъ. Старикъ тунгузъ сталъ спрашивать,

о чемъ я читаю, и когда я рассказывалъ ему, онъ постоянно-повторялъ: «Слава Богу, добрый человекъ былъ» «И тутъ, слава Богу, — ладно!» (т. е. хорошо житіе и другаго святаго). 9 ноября сюда прибыли четыре ессейскихъ инородца, для покупки оленей и оленьихъ шкуръ. На счетъ моей поѣздки они должны были посовѣтоваться между собою и съ якутами и обѣщались дать мнѣ отвѣтъ черезъ недѣлю. На этомъ зимовьѣ я пробылъ до 15 ноября. Въ маленькой бѣлой избѣ, съ железною печью, я поставилъ четыре иконы отъ иконостаса изъ походной церкви, и комната преобразилась въ настоящую часовню. Сюда же пріѣзжали якуты изъ сосѣднихъ чумъ, для которыхъ я совершалъ богослуженіе, исправлялъ требы и бесѣдовалъ съ ними. Вечеромъ 15 октября пріѣхали ессейскіе якуты со старшиною и объявили, что они согласны увезти меня, но черезъ двѣ недѣли. Чтобы не терять напрасно времени, проживая на одномъ зимовьѣ, я рѣшилъ съѣздить къ Хатангской церкви, которая находилась отсюда въ разстояніи 200 в.

Съ 16 по 21 ноября о. Сусловъ находился въ поѣздкѣ. По дорогѣ онъ останавливался въ чумахъ, отправлялъ Богослуженіе, бесѣдовалъ съ инородцами. О. Сусловъ вынесъ хорошее впечатлѣніе отъ инородцевъ; всѣ они набожны, почтительны, знаютъ краткія молитвы, крестятся правильно. Напр., при посѣщеніи одного чума, о. Сусловъ спросилъ, гдѣ находится икона? Инородецъ набожно перекрестился и снялъ съ чумоваго шеста мѣшечекъ, въ которомъ оказался мѣдный складень. «Знаешь ли, что изображено на этой иконѣ?» спросилъ о. Сусловъ. — «Не знаю, батюшка; скажи.» — «Вотъ это святитель Николай» «А, батюшка Никола!.. Вотъ слава Богу». При этомъ инородецъ перекрестился. «А это изображеніе Бога Іисуса Христа, здѣсь Воскресеніе Христово — Пасха, здѣсь Покровъ Божіей Матери, — Срѣтеніе» — «Знаю, батюшка, знаю всѣ эти праздники». — Хорошо, другъ! А почитаешь ли ты ихъ? «Какъ же, почитаю, Богу молюсь». — «Какъ же ты молишься, чего просишь у Бога? — «Молюсь вотъ такъ (тунгузь перекрестился), а прошу талану (удачи въ промыслѣ)

и здоровья себѣ, О. Сусловъ преподалъ наставленіе, какъ
нужно молиться и о чемъ просить Бога.

(Продолженіе будетъ).

ПУТЕВОЙ ЖУРНАЛЪ

Священника — миссіонера Михаила Сулова при поѣздкѣ къ озеру Ессей.

(Продолженіе).

21-го ноября, вечеромъ, о. Суловъ прибылъ къ Хатангской церкви, а 22-го числа осматривалъ церковь. Вотъ въ какомъ положеніи онъ нашелъ ее. «Церковь ветхая и требуетъ передѣлки; внутри черна; колокольня была уже забракована и колокола висѣли на деревянныхъ столбахъ, которые упали, вслѣдствіе чего колокола снова повѣсили на колокольнѣ. Кажется, она могла бы просуществовать еще нѣсколько лѣтъ, если бы ее исправить. При церкви имѣется домъ для священника и псаломщика; но это не въ собственномъ смыслѣ домъ, а развалившаяся черная изба, построенная 80 лѣтъ назадъ священникомъ Іоанномъ Кожевниковымъ. Бывшій здѣсь недавно священникъ не могъ жить въ этой избѣ и обратилъ подъ помѣщеніе священника хлѣвину. Это помѣщеніе ровно четыре шага длиною, съ однимъ маленькимъ окномъ и одною дверью въ 6 четвертей вышины; отапливается плохою печью, постоянно дымящею. И. д. псаломщика при церкви не оказалось, — онъ уѣхалъ по рѣкѣ Хатангѣ для проверки прихожанъ». Нужно замѣтить, что о. Суловъ намѣренъ былъ взять съ собою хатангскаго псаломщика на Ессей, въ качествѣ толмача, такъ какъ онъ свободно говоритъ по якутски.

24-го числа о. Суловъ совершалъ литургію, съ помощью церковнаго старосты, который умѣлъ пѣть только «Господи помилуй!» Молящихся было 16 человекъ. Изъ церкви о. Суловъ отправился съ крестомъ въ единственные четыре

дымныя избы, составляющія село Хатангское. Вечеромъ въ этотъ день пріѣхалъ хатангскій псаломщикъ, но онъ, по болѣзни своей жены, не могъ отправиться съ о. Сусловымъ къ Ессею.

Положеніе сиротствующей Хатангской церкви и бѣднаго прихода заставило о. Суслова призадуматься. Церковь эта самая отдаленнѣйшая на сѣверѣ и не одинъ изъ священниковъ не соглашается жить при ней, а проводятъ, обыкновенно, лѣто въ селѣ Дудинскомъ. Приходъ разбросанъ на 2000 верстъ и священникъ объѣзжаетъ его съ декабря по апрѣль. При такой поспѣшности, едва ли исправно могутъ совершаться требы, не говоря уже о невозможности религіознаго назиданія прихожанъ. Между тѣмъ, нѣкоторые изъ торговцевъ, разъѣзжая по приходу, развращаютъ инородцевъ нравственно и до крайности эксплуатируютъ матеріально. Инородцы болѣе и болѣе портятся и бѣднѣютъ. Здѣсь нуженъ бы священникъ, истинно преданный дѣлу миссіи, здѣсь непременно нужна бы школа. Но такія желанія какъ-разъ разбиваются о грустную дѣйствительность. Разбросанность прихожанъ на громаднѣйшемъ пространствѣ, удаленіе ихъ въ лѣтнее время въ тундры и къ рѣкамъ, прекращеніе, вслѣдствіе этого, всякаго сообщенія между ними и, наконецъ, отдаленность прихода отъ рѣки Енисея, единственнаго пункта, на которомъ можно обмѣняться или пріобрѣсти необходимые предметы для жизни, все это должно приводить священника къ необходимости жить съ прихожанами одинаковою жизнью, т. е. перекочевывать съ мѣста на мѣсто. Но кто согласится на такую жизнь?

«26 ноября я отправился одинъ изъ Хатанги. Неопытный ямщикъ потерялъ дорогу и долго кружился на рѣкѣ Хатангѣ. Въ продолженіе 13 часовъ мы проѣхали 40 верстъ. Продолжалъ путь и въ слѣдующіе дни, останавливаясь по зимовьямъ. 29 ноября прибылъ въ зимовье Байкалово, отслужилъ здѣсь молебенъ съ водоосвященіемъ и повѣнчалъ якута, взявшаго себѣ невѣсту еще съ лѣта. Съ этого зимовья путь мой направился уже къ Ессею. Поѣхали лѣсомъ».

О. Сусловъ посѣщаль чумы, не только встрѣчавшіеся по пути, но и всторонѣ отъ дороги, если приглашали его инородцы. Читаль нѣкоторыя молитвы, а также совершалъ исповѣдь на якутскомъ нарѣчїи; въ слушателяхъ замѣтилъ усердіе, искренность, религіозность. О. миссіонеръ встрѣтилъ даже инородца — якута, который давно имѣеть горячее желаніе поступить въ монастырь и въ прошедшемъ году уходилъ даже въ Хатангскій приходъ, чтобы пробраться отсюда въ Енисейскій монастырь. Но такъ какъ инородецъ былъ семейный, то о. Сусловъ преподалъ увѣщаніе, что грѣшно оставлять жену и дѣтей, заботиться о которыхъ онъ далъ обѣщаніе предъ Богомъ, и совѣтовалъ ему жить честно, добродѣтельно и трудиться для семьи.

Путь совершался очень медленно; о. Сусловъ долженъ былъ останавливаться или по болѣзни спутниковъ, или ожиданью новыхъ проводниковъ; притомъ же и дорога была неудобная, такъ что только 6 декабря оргишъ (обозъ) выбрался на рѣку Медвѣжью, по которой нужно было совершать дальнѣйшее путешествіе. Стоялъ сильный морозъ, встрѣчались большіе снѣжные заносы, затруднявшіе путь, иногда поднималась пурга; въ болѣе было удушливо до невозможности, притомъ же проводники постоянно заболѣвали. Приходилось нерѣдко стоять на одномъ мѣстѣ; во время этихъ стоянокъ о. Сусловъ или бесѣдовалъ съ спутниками, или ухаживалъ за больными, или шилъ изъ китайки халатъ для своего проводника — якута.

Берега Медвѣжьей, по мѣстамъ, чрезвычайно живописны. Дикія, величественныя красоты природы приводятъ зрителя въ изумленіе и восторгъ. То встрѣчаются громаднѣйшія сопки съ совершенно голыми вершинами и роскошно опушенными чернолѣсьемъ подошвами, то высятся грандіозныя конусы совершенно правильной формы, то гигантскія четырехгранныя пирамиды. И почти всѣ хребты замѣчательно правильными террасами раздѣляются на три яруса. Сама Медвѣжья извиивается иногда между почти отвѣсными скалами.

17 декабря оргишъ о. Сусллова оставилъ Медвѣжью и на-

правился по одному изъ ея притоковъ съ правой стороны. «Въ вечерней бесѣдѣ съ якутами, пишетъ о. Сусловъ, я узналъ, что и донынѣ инородцы, отправляясь отсюда далѣе чрезъ широкій горный хребетъ, оставляютъ въ жертву землѣ разныя вещи, напр., доскуть цвѣтлаго сукна. На вопросъ мой о значеніи такого обычая, инородцы отвѣтили: «Земля тоже слышитъ, тоже можетъ помощь дать». Объяснивъ имъ суевѣрность такого обычая, я предложилъ помолиться завтра всѣмъ вмѣстѣ Господу Богу. Толмачъ, провожая меня къ болку, просилъ отъ лица всѣхъ спутниковъ — якутовъ: «Ты, батюшка, крѣпко помолись, чтобы Богъ далъ завтра хорошій день; пожалуйста, пусть не будетъ завтра пурги». Дѣйствительно, переѣздъ чрезъ, такъ называемый, камень «Лабукà» для инородцевъ настолько кажется опаснымъ, насколько плаваніе по морю во время внезапной бури. Несчастные случаи усиливаютъ страхъ въ легковѣрномъ якутѣ. Такъ, рассказываютъ, что одинъ якутъ, переѣзжая черезъ камень, былъ застигнутъ пургою, продолжавшеюся нѣсколько дней сряду. Связавъ оленей, чтобы не разбѣжались, онъ ждалъ конца бурана. Олени погибли отъ голода, а якутъ пропитывался этою падалью и возвратился обратно на Медвѣжью, гдѣ дождался весенней воды и на плотикѣ отправился къ якутамъ. У другаго инородца, во время переправы черезъ камень, умерли отъ холода и голода всѣ дѣти».

«18 декабря я отслужилъ молебенъ и окропилъ св. водою якутовъ, при чемъ они подводили, для окропленія, и своихъ оленей. Отправились въ путь рано утромъ и черезъ часъ, дѣйствительно, очутились въ какомъ-то безпредѣльномъ пространствѣ. Кругомъ ничего не видно, ни кустика, ни деревца, всюду снѣжная пелена ослѣпительной бѣлизны. Всюду разброшенные камни и поставленные ребромъ плиты представляются издали огромнымъ стадомъ оленей. Ызда по такому мѣсту не могла быть быстрая; въ транспортѣ ломались сани, но исправлять ихъ некогда было; инородцы связывали багажъ и волокли его безъ санокъ. Какъ не спѣшили мои спутники,

его послѣ девятичасовой ѣзды должны были остановиться, потому что олени слишкомъ устали. За неимѣніемъ дровъ, рубили чумовые шесты, чтобы сварить пищу. Олени сейчасъ же разбѣжались отыскивать мохъ, чтобы утолить голодъ. На другой день, еще до разсвѣта, я отслужилъ молебенъ, и мы снова отправились въ путь. Благодареніе Богу, черезъ десять часовъ ѣзды, благополучно переѣхали безжизненное пространство».

«На другой день (20 декабря), послѣ труднаго переѣзда, мы давали отдыхъ оленямъ. Якуты общимъ совѣтомъ рѣшили везти меня прямымъ путемъ на-легкѣ, а самимъ отправиться съ транспортомъ другою дорогою, по которой рассчитывали найти кормъ для оленей. Дальнѣйшее путешествіе не представляло ничего особеннаго, иногда дорога тянулась черезъ хребты, иногда черезъ лѣсъ, такъ что приходилось срубить деревья, чтобы какъ—нибудь протащить возокъ».

«Встрѣтилъ и провелъ первый день праздника Рождества Христова въ возкѣ, здѣсь же правилъ и праздничную утреню при двоихъ инородцахъ. Наконецъ, 28 декабря мы благополучно достигли первой юрты ессейскихъ якутовъ. Сряду же, по пріѣздѣ, я отслужилъ благодарственный молебенъ при 20 молящихся и предложилъ поученіе на текстъ: «Се здравъ еси, къ тому не согрѣшай».

О. Сусловъ останавливался во всѣхъ юртахъ, находящихся по дорогѣ къ Ессею, и въ каждой изъ нихъ служилъ молебны и бесѣдовалъ съ инородцами, которые принимали его радушно и почтительно. Во всѣхъ юртахъ были иконы, иногда въ окладахъ, и мѣдные кресты, пріобрѣтаемые инородцами въ Вилюѣ; находились восковыя свѣчи и ладонь. 31 декабря о. Сусловъ подѣзжалъ къ ессейской часовнѣ и былъ встрѣченъ колокольнымъ звономъ.

(Окончаніе будетъ).

ПУТЕВОЙ ЖУРНАЛЬ

Священника — миссіонера Михаила Сулова при поѣздкѣ къ озеру Ессей.

(Окончаніе).

Часовня у Ессея маленькая, ветхая и холодная, съ плохую кровлею; особенныхъ украшеній въ ней нѣтъ, кромѣ креста, трехъ иконъ, стола и аналая. Вечерня и молебенъ съ водоосвященіемъ отслужены были мною въ юртѣ у часовни, при чемъ «Господи, помилуй!» пѣли сами инородцы по якутски. Утреню 1 января служилъ также въ юртѣ, а молебенъ въ часовнѣ, въ которой была такая стужа, что я едва могъ исполнить и эту краткую службу. Послѣ обѣда я началъ приводить часовню въ порядокъ и когда якуты узнали о моемъ желаніи украсить часовню, то нѣкоторые изъ нихъ жертвовали въ нее свои иконы.

Сегодня пріѣхалъ изъ г. Вилюйска якутъ и передалъ мнѣ, что на Ессей собирается ѣхать Вилюйскій священникъ о. Винокуровъ. Немедленно я послалъ ему письмо съ просьбою переписать якутовъ, которые встрѣтятся у озера Ялтана, отстоящаго отъ Ессея на 150 верстъ; а самъ предположилъ переписать всѣхъ инородцевъ, кочующихъ у Ессея. 2 января, послѣ утренней молитвы и поученія, я отправился въ сосѣднія юрты, предлагая инородцамъ исполнить долгъ исповѣди и св. причастія, на что инородцы охотно соглашались. Во всѣхъ юртахъ есть кресты и иконы, съ которыми инородцы обращаются благоговѣйно. Переписавъ всѣхъ инородцевъ и собравъ нужныя свѣдѣнія, 4 января я возвратился къ часовнѣ и вечеромъ устанавливалъ въ ней желѣзную печь, оставленную здѣсь еще въ 1871 году о. Кожевниковымъ. При-

шло съ самому и провертывать отверстіе въ потолокъ для трубы, и замазывать его глиною, потому что инородцы рѣшительно не умѣли, какъ взяться за дѣло, и вовсе не знакомы съ нашими желѣзными печами и употребленіемъ бурава. Всю ночь протапливали часовню, а согрѣть не могли; съ потолка и стѣнъ валился пластами иней или превращался въ воду, которая стекала на полъ; угаръ стоялъ страшный. Тѣмъ не менѣе, въ 9 часовъ, 5 января, я отслужилъ часы съ изобразительными, прочиталъ молитвы, сказалъ поученіе предъ исповѣдію и приступилъ къ самой исповѣди. Исповѣдывалъ съ 12 до 8 часовъ вечера и дальше рѣшительно не могъ оставаться въ часовнѣ; стоя около окошка изъ льда, я продрогъ до костей. Обогрѣвшись въ юртѣ, опять приступилъ къ исповѣди, и исповѣдалъ сегодня около 150 человѣкъ.

6 января началъ богослуженіе въ 4 часа утра и послѣ утрени исповѣдалъ еще 15 человѣкъ. За литургіею, совершенной на подвижномъ антиминсѣ Хатангской церкви, приобщилъ св. Таинъ 150 человѣкъ взрослыхъ и 10 младенцевъ. Послѣ литургіи совершилъ крестный ходъ на рѣку Хордонокъ, для водоосвященія, при 70 молящихся.

На исповѣди якуты сами открываютъ свои грѣхи, не ожидая вопросовъ. Повидимому, они приступаютъ къ таинству съ вѣрою, искренностію и обѣщаніемъ не грѣшить впредь; къ св. причащенію приступаютъ чинно, съ благоговѣніемъ».

8 января о. Сусловъ нанялъ прежняго ямщика — якута за 60 р. въ обратный путь; но окончательно отправился отъ Ессейскихъ якутовъ только 16 января. Съ 9 по 16 января о. Сусловъ посѣщалъ сосѣднія юрты, бесѣдовалъ съ инородцами, совершалъ требы и производилъ перепись.

Не передаемъ подробностей обратнаго путешествія о. Сулова. Изъ путевого журнала видно, что до перваго зимовья Хатангскаго прихода о. Сусловъ провелъ въ дорогѣ шестнадцать сутокъ, хотя собственно въ поѣздкѣ онъ и находился только 60 часовъ. На протяженіи 567 верстъ приходилось ѣхать болотами, озерами, лѣсомъ, черезъ горные хребты и

рѣчками, а при такой затруднительной вѣдѣ нужно было давать отдыхъ оленямъ, дѣлать дневки и останавливаться на ночлегъ. При томъ же въ дорогѣ о. Сусловъ серьезно заболѣлъ и даже едва не умеръ: Передадимъ это грустное обстоятельство словами о. Суслова, «Трое сутокъ простояли влѣдствіе моей болѣзни, отъ которой я едва не умеръ. Прощаясь съ жизнью, я написалъ уже карандашемъ завѣщаніе и просилъ не бросать меня въ тундрѣ, а отвезти къ русскимъ на Боганиду. Я страдалъ кровотеченіемъ и постоянно впадалъ въ обморокъ. Попросилъ обложить себя снѣгомъ и долго пробылъ въ этой ужасной ваннѣ. Два толмача — тунгузы и семейство ямщика — якуты принимали во мнѣ самое сердечное участіе, они молились даже предъ иконами съ зажженными свѣчами, но, какъ дѣти природы, не знали, чѣмъ помочь мнѣ. Когда я почувствовалъ себя лучше, то въ благодарномъ къ Господу восторгѣ читалъ и пѣлъ разныя молитвословія, а инородцы молились съ зажженными свѣчами. Это было истинное благодареніе Господу, вызванное во мнѣ, грѣшникѣ, особеннымъ посѣщеніемъ Божиимъ».

Между инородцами-христіанами, особенно женщинами, о. Сусловъ встрѣчалъ личностей, вполне вѣрующихъ и осуществляющихъ въ своей жизни законъ Христовъ. Такъ, на одномъ зимовьѣ недавно умерла инородка, которая вела дѣвственную жизнь, отличалась особенною благотворительностію и строго исполняла христіанскія обязанности; на другомъ зимовьѣ о. Сусловъ исповѣдывалъ старуху, которая такъ была рада этому событію, что нѣсколько разъ кланялась въ ноги священнику и горячо благодарила. О. Сусловъ замѣтилъ въ ней искреннюю вѣру въ отпущеніе грѣховъ чрезъ таинство покаянія.

Останавливался о. Сусловъ и въ чумахъ инородцевъ-язычниковъ. По большей части принимали его радушно, но проповѣдь не имѣла особеннаго успѣха. То инородцы не желали перемѣнять вѣру своихъ предковъ, то отговаривались тѣмъ, что, принявъ христіанство, они должны строго соблюдать христіанскія заповѣди относительно, на примѣръ, нищи, а это въ

ихъ быту невозможно; то въ дѣло проповѣди вмѣшивались шаманы. Въ нѣкоторыхъ инородцахъ замѣтно было расположеніе къ христіанству, замѣтно было, что они держатся языческихъ обрядовъ только въ силу привычки, но, тѣмъ не менѣе, подѣ вліяніемъ шамановъ, они не могли сразу отрѣшиться отъ вѣковыхъ языческихъ предразсудковъ. По ихъ понятію, за перемѣну вѣры или непочтеніе къ шаманамъ и шайтанамъ (идоламъ) «дьяволъ убьетъ ихъ или раззоритъ до крайности». Такое убѣжденіе поддерживается шаманами даже и въ крещеныхъ инородцахъ.

По описанію о. Сулова, за-туруханскіе шаманы ничѣмъ не отличаются отъ своихъ минусинскихъ и ачинскихъ собратьевъ по профессіи. Они всюду разъѣзжаютъ съ своими шайтанами, которые помѣщаются въ отдѣльныхъ саночкахъ, покрытыхъ шкурою оленя, убитаго при актѣ шаманства.

Вотъ что передаетъ о. Суловъ о за-туруханскихъ шаманахъ и шайтанахъ.

«Лишь только я подошелъ къ санкамъ съ шайтанами, какъ бывшія на улицѣ самоѣдки немедленно побѣжали въ чумъ. Сюда же вошелъ и я съ священнымъ шаманскимъ ящичкомъ. Находившійся въ чумѣ шаманъ страшно испугался, искасилъ физиономію и жалобно произнесъ: «Зачѣмъ ты, другъ, взялъ шайтана, — грѣхъ!» Находившіеся со мной попутные казаки раскрыли ящикъ, въ которомъ оказалась песцовая шкурка, а въ ней кусокъ мѣди съ крайне грубымъ изображеніемъ человѣческаго лица. Кусокъ мѣди увѣшанъ десятью нитками корольковъ, а на лбу изображенія красовалась бляха. Когда я разсматривалъ шайтана, то всѣ самоѣды, а особенно шаманъ и женщины, казались взволнованными и постоянно повторяли: «Пожалуйста, пусти... грѣхъ!» Я взялъ идола за нитку и обличалъ шамана въ обманѣ, показалъ даже видъ, что хочу бросить его въ печь. Но шаманъ настоятельно просилъ «пустить» шайтана и не соглашался отдать его даже за деньги, говоря, что онъ и всѣ самоѣды *пропадутъ*, если лишатся шайтана. Когда шаманъ выручилъ предметъ обожав-

нія, то поставилъ къ нему карауль, чтобы мы снова не могли взять его».

22 февраля о. Сусловъ прибылъ въ село Дудинское, а 24 числа отправился къ Туруханску. Всего проѣхалъ онъ впередъ и обратно 4300 верстъ, кромѣ разѣздовъ по кочевьямъ у озера Ессея.
